зываютъ, по его мнѣнiю, на существованiе издревле на Сѣверномъ Кавказѣ христіанства. Е. Р.

G. Millet, *Un chef-d'oeuvre de la broderie byzantine*. (Отд. отд. изъ Bulletin de correspondance Hellénique). — Авторъ описываетъ уже извѣстную по труду акад. Н. П. Кондакова, Памятнику христіанскаго искусства на Афонѣ (СПб. 1902, стр. 266), плащаницу изъ церкви Божіей Матери Панагуды въ Солуни и прилагаетъ къ сочиненію фототипіи съ памятника. Акад. Н. П. Кондаковъ относитъ памятникъ къ XI—XII в., хотя въ то же время отмѣчаетъ, что онъ не можетъ быть позже XIV в. Авторъ болѣе склоняется къ послѣдней датѣ. Е. Р.

G. Millet, *Recherches au Mont Athos* (Bull. de Correspond. Hellénique, XXIX. 105 — 141). — Авторъ продолжаетъ свои изысканія въ области памятниковъ Афона. 3-й очеркъ его посвященъ фіалу и симадрѣ (Кипалу) въ Лаврѣ. Е. Р.

РЕЦЕНЗИИ:

Н. П. Кондаковъ, Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. СПб. 1904. Рец. **Millet**, Rev. archéol., 1905, 421—422.

Strzygowski, Mschatta. Jahrb. d. preussisch. Kunstsamml. 1904, IV, 11. Рец. **Gertrude Lowthian Bell**, Rev. archéol. 1905, t. V, 431—432.

A. Michel, Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours. T. I. Paris 1905. Рец. **S. Reinach** въ Revue archéol. 1905, t. VI, 178—179).

Strzygowski, Kleinasien ein Neuland der Kunstgeschichte etc. Lpzg. 1903. Рец. **Baumstark** въ Oriens Christianus, IV (1904), 2 Н., 414—422).

Ernst Diez und **J. Quitt**, Byzantinische Denkmäler. III. Ursprung und Sieg der altbyzantinischen Kunst. Wien 1903. Рец. **Baumstark** въ Oriens Christianus IV (1904), 2 Н., 423—428.

Schlumberger, Un empereur byzantin au X siècle. I—III parties (см. выше стр. 583). Рец. **G. Millet** въ Gazette des Beaux Arts, XI, 1905, 425—432. Е. Р.

Д. Айналовъ.
Е. Рѣдинъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

H. Gelzer. *Vom Heiligen Berge und aus Makedonien*. Reisebilder aus den Athos-Klöstern und dem Insurrektionsgebiet. Mit 43 Abbildungen im Text und einem Kärtchen. Leipzig 1904, 8°, 262 стр. — Подобно болѣе раннему произведенію того же автора: «Geistliches und Weltliches aus dem türkisch-griechischen Orient» Leipzig 1900, и это сочиненіе покойнаго іенскаго профессора представляетъ результатъ его личныхъ впечатлѣній

и наблюдений, сдѣланныхъ имъ во время путешествія на Аеоны и въ Македоніи осенью 1902 г. Не смотря на совершенно специальную цѣль поѣздки, — авторъ надѣялся отыскать въ Македоніи т. н. «Кодексъ св. Климента», — онъ сумѣлъ описать ее на столько интересно и увлекательно, что его книга можетъ быть прочитана съ пользой и удовольствіемъ не только специалистомъ, но и всѣмъ образованнымъ читателемъ. Сообразно главнымъ пунктамъ маршрута автора, его книга можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Въ первой г. Гельперъ описываетъ свое пребываніе на Аеоны, во второй — свое путешествіе по южной Македоніи и Албаніи. Первой части предпосланъ краткій, но очень содержательный очеркъ исторіи аеоноской общины и ея современнаго состоянія. Особая глава посвящена вопросу объ администраціи аеоноской общины, въ частности вопросу о преимуществахъ общежительнаго или «идиоритмическаго» (индивидуальнаго) склада монашеской жизни. Симпатіи автора явно клонятся ко второму, причемъ первый онъ считаетъ особенно свойственнымъ славянскому духу. Это не мѣшаетъ ему однако довольно безпристрастно отнестись къ борьбѣ національностей на Аеоны: съ чувствомъ глубокаго уваженія и искренней симпатіи говоритъ онъ о русскихъ монахахъ на Аеоны, ставитъ ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ образецъ грекамъ, иронически относится къ извѣстной баснѣ, будто мон. св. Пантелеймона представляетъ замаскированную русскую военную крѣпость на Аеоны и т. д. Тѣми же достоинствами отличается и описаніе путешествія по Македоніи, которое г. Гельперъ совершилъ при дѣятельномъ содѣйствіи покойнаго русскаго консула въ Битоли г. Ростовскаго, и котораго трудности и опасности были блестяще вознаграждены: въ кафедральной церкви Охриды онъ открылъ въ «коліи» кодекса св. Климента его оригиналъ, считавшійся безслѣдно потеряннымъ...

П. А. Сырку. *Карансебешскій октоихъ второй половины XIII в.* Тексты, описаніе рукописи и снимки. Посмертный трудъ, съ предисловіемъ А. И. Яцимирскаго. Спб. XIII+60 стр. — Рѣчь идетъ о рукописи, найденной Сырку во время путешествія по Банату и Трансильваніи въ 1898 г., въ г. Карансебешѣ. Къ обширнымъ извлеченіямъ изъ нея въ брошюрѣ приложено ея описаніе, составленное покойнымъ П. А. Сырку и оставшееся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ.

С. М. Романскій. *Българската книжнина въ Ромъния и едно нейно произведение.* Извѣстия на семинара по словянска филология при университета въ София за 1904 и 1905 г. Печатано подъ редакціи на проф. Л. Милетича. София 1905, стр. 1—100. — Эта весьма цѣнная статья состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой авторъ разсматриваетъ судьбу влахо-болгарской литературы вообще и ея языкъ. Между прочимъ онъ высказывается противъ «дакійской теоріи» происхожденія румынъ, явно склоняясь къ болѣе широкой точкѣ зрѣнія румынскаго слависта Денсушяну. Относительно языка влахо-болгарской литературы г. Романскій раздѣляетъ мнѣніе проф. Милетича, что онъ отражаетъ въ себѣ не искусственный языкъ румын-

скихъ писцовъ, а живой языкъ валашскихъ болгаръ, еще неполнѣ подвергшихся румынизациѣ. Во второй части г. Романскій подробно анализируетъ языкъ и составъ **наиболѣе** типичнаго, по его мнѣнію, произведенія валашко-болгарской литературы «Слова наказательныя воеводы валашскаго Іоанна Нѣгонъ къ сыну Θεодосію» (изд. въ 1904 г. проф. П. А. Лавровымъ въ *Нам. др. писъм. и искусства СЛП*). Въ частности, авторъ дѣлаетъ рядъ существенныхъ поправокъ и дополненій къ изданію П. А. Лаврова.

Симеона Метафраста и Логовета *Списаніе міра отъ бытія и Дѣтовника собрано отъ различныхъ рукописей. Славянскій переводъ хроники Симеона Логовета съ дополненіемъ.* СПб. 1905. XVI+239 стр. (Изд. Императорской Академіи Наукъ). — Славянскій переводъ хроники Симеона Логовета печатается по единственному (среднеболгарскому) его списку Императорской Публичной Библиотеки (F IV, № 307). Какъ видно изъ записи на оборотѣ послѣдняго листа, рукопись была написана или заказана въ 1644 г. молдавскимъ архіепископомъ Анастасіемъ Крымковичемъ. Еще въ 1895 г. академики А. А. Куникъ и В. Г. Васильевскій предложили Историко-филологическому отдѣленію Академіи Наукъ издать хронику. По разнымъ причинамъ, дѣло изданія затянулось до конца 1898 г. По смерти обоихъ академиковъ, Отдѣленіе поручило изданіе В. И. Срезневскому. Послѣдній весьма тщательно напечаталъ текстъ хроники, присоединилъ къ нему полныя указатели (славянскій и греческій), а въ предисловіи подробно описалъ рукопись. Тамъ же имъ сообщены весьма дѣльныя наблюденія относительно источниковъ хроники и ея отношенія къ «Дѣтовнику», представляющему извлеченіе изъ Зонары. Весьма также полезенъ составленный г. Срезневскимъ перечень мѣстъ, неправильно переведенныхъ съ греческаго.

Г. А. Воскресенскій. *Древнеславянскій Апостолъ. Вып. 2-й. Посланіе святого апостола Павла къ Коринтянамъ 1-е по основнымъ стискамъ 4-го редакцій рукописнаго славянскаго апостоловскаго текста.* Св. Троицкая Сергіева Лавра 1906. 4^о 207 стр. — Сравнительно съ первымъ выпускомъ, вышедшимъ въ 1892 г., настоящій приводитъ разночтенія слѣд. 10 рукописей, которыя не могли войти въ первый: Христинопольск. апостола XII в., Титовскаго № 44 И. П. Б. XIII—XIV в., Верковичева И. П. В. XIV в., Хвалова 1404 г. Болонской унив. библ., Апостола Качановскаго XIV библ. Нѣжинскаго института кн. Безбородко, Апостола Ими. Академіи Наукъ XVI в., Толстовскаго Апостола XIV в., Апостола Воскресенскаго Іерусалимскаго мон. XIV в., Погодинскаго Апостола XIV в. и Апостола Качановскаго XVI в. Нѣжинскаго института. Напротивъ, исключены изъ числа источниковъ, какъ не содержащія чтеній изъ настоящаго посланія къ Коринтянамъ: Мануйловскій отрывокъ XIII в. и Григоровичевъ отрывокъ XIV в.

V. Jagić, *Kirchen-slavisch-böhmische Glossen saec. XI—XII.* Wien 1903, 4^о, 1—43 (Denkschriften d. Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-

hist. Kl. B. L.).—Статья представляетъ анализъ славянскихъ глоссъ, найденныхъ недавно въ одной латинской Библии Вѣнской Придворной Библиотеки (№ 1190). Рукопись принадлежитъ VIII—IX ст., но сами глоссы не старше конца XI в. или начала XII в. Языкъ этихъ глоссъ представляетъ довольно-оригинальную смѣсь чешскихъ особенностей съ церковнославянскими (въ хорватской редакціи) и имѣетъ много сходныхъ чертъ съ языкомъ извѣстныхъ «Пражскихъ Григорьевскихъ глоссъ». По мнѣнію Ягича, глоссы вписаны въ Чехіи или хорватскимъ глаголяшемъ, жившимъ въ одномъ изъ чешскихъ монастырей, или чехомъ, изучившимъ подъ руководствомъ какого-нибудь хорватскаго монаха церковнославянскій переводъ въ хорватской редакціи. Въ общемъ Ягичъ видитъ во вновь найденномъ памятникѣ косвенное подтвержденіе своихъ взглядовъ на Кіевскіе и Вѣнскіе отрывки.

Н. К. Грунскій. *Памятники и вопросы древне-славянской письменности*. Т. I. Юрьевъ 1904, 8°, 60 + 60 + 62 + 48 стр.—Главнымъ предметомъ этого изслѣдованія является систематическое палеографическое и лингвистическое описаніе Кіевскихъ отрывковъ, которымъ посвящены три выпуска книги. Четвертый и послѣдній выпускъ посвященъ памятнику, до извѣстной степени однородному съ Кіевскими отрывками,—Пражскимъ фрагментамъ. Въ первомъ выпускѣ г. Грунскій описываетъ внѣшнюю сторону знаменитаго глаголическаго миссала, т. е. опредѣляетъ число строчекъ рукописи, качество пергамена, цвѣтъ чернилъ, излагаетъ исторію открытія памятника и его изданій, причемъ съ особенной подробностью останавливается на извѣстномъ изданіи Ягича, попутно отмѣчая цѣлый рядъ его (впрочемъ, небольшихъ) неточностей. Далѣе авторъ съ такою же систематичностью и обстоятельностью описываетъ титла рукописи, придыханія, надстрочные значки и, наконецъ, ударенія. Послѣднимъ авторъ посвящаетъ цѣлый экскурсъ, въ которомъ, по нашему мнѣнію, вполне убѣдительно доказалъ не только самый *фактъ* употребленія въ Кіевскихъ отрывкахъ удареній, но даже опредѣлилъ ихъ двоякое качество: долгое и краткое. Во второмъ выпускѣ г. Грунскій описываетъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣ встрѣчающіяся въ рукописи глаголическія буквы и приходитъ къ выводу, что ихъ начертанія въ большинствѣ случаевъ являются древнѣйшими, болѣе древними даже, чѣмъ заголовочныя буквы старѣйшихъ глаголическихъ кодексовъ. Кромѣ этого спеціальнаго вывода, авторъ дѣлаетъ и болѣе общій, именно тотъ, что «въ глаголической азбукѣ ясно можно видѣть слѣды заимствованія главнымъ образомъ изъ трехъ азбукъ греческой, латинской и еврейской». Къ теоріи о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма г. Грунскій относится отрицательно, — и, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ справедливо, такъ какъ самъ же онъ нерѣдко признаетъ возможность вліянія на глаголическія буквы греч. курсива (ср. напр. стр. 32). Напротивъ, очень правдоподобенъ другой выводъ автора, что Кіевскіе отрывки представляютъ не копію съ древнѣйшаго оригинала, а *подлинникъ*. Третій выпускъ откры-

вается обзоромъ ученыхъ мнѣній о памятникѣ, къ которымъ авторъ относится болѣе или менѣе отрицательно. Далѣе слѣдуетъ подробнѣйшій анализъ языка памятника, который приводитъ автора къ нѣсколько скептическому взгляду на теорію моравско-паннонскаго происхожденія памятника. Однако при этомъ онъ не замѣчаетъ цѣлаго ряда натяжекъ и насилій надъ языкомъ рукописи (напр. отрицаніе зап.-слав. происхожденія *ц* и *з* въ группахъ *tj* и *dj* ~~ж~~ок. твор. п. ед. -ъмь), которыя приходится дѣлать всякому изслѣдователю, отрицающему чешское происхожденіе писцовъ отрывковъ. Последний выпускъ, какъ мы уже сказали, посвященъ Пражскимъ отрывкамъ. Изложивъ различныя гипотезы о происхожденіи памятника, авторъ высказываетъ убѣжденіе, что Пражскіе отрывки представляютъ произведеніе совершенно иной палеографической школы, чѣмъ Кіевскіе отрывки. Далѣе слѣдуетъ изданіе самого текста перваго памятника съ подробнымъ палеографическимъ анализомъ каждой страницы. Сравнительно съ изданіемъ Шафарика изданіе г. Грунскаго имѣетъ не мало преимуществъ, которыя усугубляются приложенными къ книгѣ великолѣпными фотографическими снимками.

V. Vondrák. *O původu Kijeveských listů v Prošských zlomcích a bohemismech v starších církevně-slovanských památkách vůbec*. V Praze 1904, 8°, X+114. — Послѣ подробнаго изслѣдованія палеографическихъ, лингвистическихъ и лексикальных особенностей Кіевскихъ отрывковъ авторъ приходитъ къ выводу, что ихъ оригиналъ былъ написанъ первоначально не въ моравской землѣ, какъ до сихъ поръ думало большинство изслѣдователей, а въ области паннонскихъ словенцевъ. Только изъ языка послѣднихъ объяснимы, по мнѣнію Вондрака, такіе словарныя особенности, какъ *циркъкъе*, *циркъканѣ*, *оутаже*, *рѣснотиванъ*, *подасъ*. Этотъ протографъ волею судебъ попалъ затѣмъ въ область сербо-хорватскаго языка, гдѣ и былъ переписанъ двумя чехами-глаголитапами, которые, быть можетъ, были изгнаны изъ Моравіи врагами славянскаго богослуженія. Слѣды ихъ родного языка сохранились въ памятникѣ до сихъ поръ въ видѣ *с* и *з* (вмѣсто *št* и *žd*), быть можетъ, въ *šc* и въ окончаніи творит. пад. ед. ч. *ьтѣ*. Въ половинѣ X в. отрывки были опять переписаны, на этотъ разъ сербо-хорватомъ, который внесъ въ языкъ памятника цѣлый рядъ особенностей своего языка: родительные падежи *дѣлѣ*, *грѣхъ ѿ*, *силахъ*, им. вин. пад. ж. р. *си*, именит. множ. *ны* и нѣсколько знаковъ своего ударенія. Родомъ этотъ сербо-хорватъ былъ, по всей вѣроятности, изъ южной Сербіи или сѣверной Македоніи. Съ этой сложной теоріей едва-ли можно согласиться. Какъ бы ни были загадочны нѣкоторыя особенности языка Кіевскихъ отрывковъ, ничто, по нашему мнѣнію, не даетъ право при объясненіи ихъ исходить изъ какихъ-нибудь другихъ языковъ, кромѣ древне-болгарскаго и древне-чешскаго. Такъ, влияніе языка паннонскихъ словенцевъ Вондракъ видитъ, главнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ памятника. Но изъ всѣхъ крите-

ріевъ классификаціи языковъ лексической матеріалъ не даромъ считается самымъ шаткимъ: вѣдь даже языки, удаленные другъ отъ друга на громадныя разстоянія, нерѣдко имѣютъ такія общія слова, какія не встрѣчаются въ болѣе близкихъ. Ср. слов. *giba* «складка» и словинц. *giba* «складка». Тѣмъ болѣе лексическихъ сходствъ должно было быть въ языкахъ сосѣднихъ и переходныхъ другъ къ другу, какими были въ X в. языки словенскій и моравскій. А если такъ, то можетъ-ли Вондракъ поручиться, что слова: *циркъкъвъ*, *оутажѣ*, *рѣснотивънъ* не встрѣчались въ какомъ-нибудь изъ южно-чешскихъ или южно-моравскихъ говоровъ? Также мало доказательны и ударенія Кіевскихъ отрывковъ, которыя Вондракъ сближаетъ съ современными словенскими, и при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду полное отсутствіе для такихъ сравненій исторической перспективы: вѣдь нужно еще доказать, что современное словенское удареніе ничѣмъ не отличается отъ того, которое было X вѣковъ назадъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что большинство словъ, въ которыхъ Вондракъ видитъ словенское удареніе, съ такимъ же правомъ можно приписывать и древнеболгарскому ударенію, такъ какъ оно во многихъ случаяхъ было тождественно съ древне-словенскимъ. Совершенно излишней является и теорія сербо-хорватскаго наслоенія въ Кіевскихъ отрывкахъ. Вѣдь именит. множ. *мы* могъ проникнуть въ нашъ памятникъ и изъ какого-нибудь говора болгарскаго языка, а въ родит. падежѣ *грѣхѣ* и т. п. конечный *ј* могъ отпасть и въ какомъ-нибудь изъ южно-моравскихъ говоровъ: какъ извѣстно, отпаденіе конечнаго *ј* представляетъ довольно обычное явленіе въ древне-чешскихъ памятникахъ. — Менѣе смѣлы выводы Вондрака о происхожденіи Пражскихъ отрывковъ, которые, по его мнѣнію, были написаны въ XI в. чехомъ-глаголиташемъ въ Сазавскомъ монастырѣ, гдѣ господствовало богослуженіе по восточному обряду. Кромѣ обстоятельнаго палеографическаго и лингвистическаго анализа послѣднихъ, Вондракъ предлагаетъ и новое ихъ изданіе, цѣнность котораго не мало увеличиваютъ прекрасно исполненные фотографическіе снимки рукописи.

Н. К. Грунскій. *Пражскіе глаголическіе отрывки.* Изд. Отд. русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ (Памятники старослав. яз. т. I, вып. 4-й). 27 стр. 4°. — Авторъ перепечатаываетъ изслѣдованіе и изданіе Пражскихъ отрывковъ въ своей вышеприведенной книгѣ. Въ концѣ настоящей находимъ интересное примѣчаніе, въ которомъ авторъ довольно рѣзко критикуетъ изслѣдованіе того же памятника Вондрака (ср. выше стр. 637).

С. Северьяновъ. *Супрасльская рукопись.* Томъ I. Изданіе Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, съ приложеніемъ 3 фототипическихъ снимковъ. Спб. 1904. 4°, VIII+570. — Давно ожидавшееся съ такимъ нетерпѣніемъ изданіе Супрасльской Минеи, наконецъ, вышло. Восемь лѣтъ трудился надъ нимъ С. Н. Северьяновъ и, дѣйствительно, съ своей стороны, сдѣлалъ,

кажется, все, чтобы изданіе вышло достойнымъ драгоценнаго памятника церковно-славянской письменности. Каждый, кому случалось издавать даже скромные по объему тексты, хорошо знаетъ, съ какимъ неизмовѣримымъ трудомъ достигается палеографическая точность при ихъ воспроизведеніи, и сколько на пути къ нему является обыкновенно препятствій, иногда совершенно фатальных! Изданіе г. Северьянова въ этомъ отношеніи едва-ли скоро заставитъ желать лучшаго, если только почти идеальная гармонія между печатнымъ текстомъ и 3 приложенными фототипическими снимками не представляетъ случайности въ книгѣ. Текстъ памятника печатается строка въ строку, съ соблюденіемъ мельчайшихъ палеографическихъ особенностей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда типографскія средства оказывались бессильными въ ихъ воспроизведеніи, издатель добросовѣстно и съ необычайной скрупулезностью описываетъ ихъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Преслѣдуемый, повидимому, постояннымъ страхомъ пропустить что-нибудь важное и интересное, г. Северьяновъ доходитъ въ своихъ описаніяхъ нерѣдко до крайности, отмѣчая такія мелочи, которыя едва-ли покажутся важными даже и съ точки зрѣнія строжайшей акрибіи, но въ изданіяхъ древнихъ памятниковъ большее есть обыкновенно врагъ меньшаго. Единственно, что безусловно излишне въ изданіи г. Северьянова, это его лингвистическія примѣчанія, не дающія въ большинствѣ случаевъ специалисту ничего новаго. Изученіе памятника г. Северьяновъ не мало облегчили, систематически контролируя славянскій текстъ текстомъ греческаго подлинника. Но издатель, конечно, сдѣлалъ бы еще лучше, если бы напечаталъ греческіе тексты en regard съ славянскими, хотя, конечно, это значительно замедлило бы изданіе памятника и увеличило бы его объемъ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать 2 тома изданія г. Северьянова, который будетъ заключать въ себѣ полный словарь знаменитаго памятника.

Glagolitica. Publicationes Palaeoslavicae Academiae Veglensis 1903. I. Recensio croatico-glagolitici fragmenti Verbanicensis. II—IV. Liber Iob. Auctore Ioseph Vais. Veylac. 1903. — Обѣ эти книжки являются первыми плодами научной дѣятельности «Древнеславянской Академіи», основанной въ 1903 г., специально для изученія и изданія глаголическихъ памятниковъ. Въ первой изъ нихъ г. Вайсъ издаетъ отрывокъ *Вербнишкаго брѣвиарія* XIII в. (4 л., 35×25 см.), который по своимъ палеографическимъ и лингвистическимъ особенностямъ представляетъ какъ-бы промежуточное звено между т. н. «Вѣнскими отрывками» XII в. и позднѣйшими глаголическими рукописями XIV в. Къ изданію приложены и фотографическіе снимки. Во второй книжкѣ печатается тѣмъ же лицомъ «*Книга Іова*» по Новлянскому брѣвиарію XV в., съ разночтеніями другихъ кодексовъ. И здѣсь находимъ фотографическіе снимки, кромѣ главной рукописи, еще другого Новлянскаго брѣвиарія т. н. № 1 того же вѣка.

Н. М. Наринскій. *Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древне-русскаго языка.* (Извлечено изъ Ж. М. Н. П. 1903 г.). Спб. 1903, 19 стр. 8^о.—

Статья представляет вступительную лекцію автора—прив.-доц. Спб. университета. Изложивъ исторію изученія памятника съ момента его открытія до нашихъ временъ, авторъ подвергаетъ довольно рѣзкой критикѣ извѣстное описаніе языка О. Е. Козловскаго. Послѣ нѣсколькихъ словъ въ защиту Остромирова Евангелія какъ памятника языка др.-церковно-славянскаго, и коснувшись слегка вопроса о діалектологической родинѣ писца,—авторъ считаетъ въ этомъ отношеніи вопросъ нерѣшеннымъ,— г. Каринскій высказываетъ гипотезу, что писецъ О. Е., при передачѣ звуковъ своего древнеболгарскаго оригинала, руководился «церковнымъ» произношеніемъ ихъ, которое было свойственно духовной средѣ того времени.

И. Евсѣевъ. *Книга пророка Даніила въ древнеславянскомъ переводѣ. Введеніе и тексты.* М. 1905, ХС+183.—Авторъ устанавливаетъ три редакціи славянскаго перевода книги пророка Даніила: 1) Паремійную, содержащуюся въ 53 спискахъ паремійниковъ XII—XVI вв. Она принадлежитъ рукѣ апостола славянъ Кирилла, опирается на греческій оригиналъ константинопольской (лукіановской) редакціи и представляетъ собой текстъ богослужебный. 2) Вторая редакція ведетъ свое происхожденіе отъ св. Меѳодія, основывается на греческомъ оригиналѣ александрійской редакціи и представляетъ по содержанію текстъ толковый. Качество перевода второй редакціи значительно ниже перевода паремійной, и это объясняется тѣмъ, что въ трудѣ Меѳодія участвовали также скорописцы. До нашего времени толковая редакція дошла всего лишь въ двухъ спискахъ: въ Сборникѣ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 902/1468, содержащемъ Хронику Малалы, и въ Виленскомъ Хронографѣ № 144. 3) Какъ Меѳодій въ своемъ переводѣ пользовался работой брата, такъ въ царствованіе Симеона какой-то неизвѣстный труженикъ (по осторожной догадкѣ г. Евсѣева пресвитеръ Григорій), при помощи Меѳодіевскаго перевода, составилъ новую редакцію книги Даніила. Она сохранилась безъ толкованій, въ спискахъ очень позднихъ (XII в.), и слѣдуетъ александрійской (исихіевской) школѣ. Интересно, что въ своей работѣ переводчикъ обнаружилъ благоговѣйное отношеніе къ пареміиному, т. е. кирилловскому, переводу, который онъ переписывалъ почти безъ измѣненій. Напротивъ, «готовый меѳодіевскій переводъ онъ почти всюду провѣрилъ по греческому оригиналу». Что касается до причинъ, вызвавшихъ новый переводъ книги Даніила въ царствованіе Симеона, то ихъ, по мнѣнію г. Евсѣева, могло быть нѣсколько: желаніе приблизить первоначальный переводъ къ языку болгаръ восточной части ихъ государства, стремленіе обособиться отъ греческой церкви даже въ литературѣ при помощи провинціального александрійскаго текста, всячески унижавшагося Царьградомъ, наконецъ, желаніе дать болгарскому читателю книгу, основанную на текстѣ весьма уважаемаго экзегета IV в. св. Кирилла Александрійскаго. Давъ сильные отвѣты на общіе вопросы, связанные съ переводомъ книги Даніила, авторъ переходитъ затѣмъ къ библиографическому обзору ея списковъ.

Во второмъ введеніи г. Евсѣевъ приводитъ нѣсколько соображеній о греческомъ оригиналѣ славянскаго перевода книги Даніила, послѣ которыхъ даетъ перечень ея 133 греческихъ списковъ. Далѣе слѣдуетъ изданіе самихъ текстовъ en regard съ греческими лукіановской и исихіевской редакціи.

А. А. Шахматовъ. *Одинъ изъ источниковъ мѣтописнаго сказанія о крещеніи Владимира.* Харьковъ 1905 г. (Отд. отт. изъ Сборника статей по славяновѣдѣнію въ честь проф. М. С. Дринова).—Этотъ источникъ—недошедшее до насъ болгарское сказаніе о крещеніи царя Бориса, откуда взять напр. эпизодъ о картинѣ страшнаго суда, самое имя Кирилла показавшаго картину Владимиру, сообщеніе о сношеніяхъ Владимира (читай: Бориса) съ Римомъ и папой и т. д.

Б. Цоневъ. *Классификація на болгарскитѣ книжовни паметници отъ най-старото врѣме до края на XVI вѣкъ.* Отдѣлен. отпечатокъ отъ «Годишникъ» на Софійская Университетъ за 1904/5 година. София 1905, 31 стр.—Авторъ задался смѣлой попыткой распредѣлить многочисленныя памятники болгарской письменности на различныя категоріи, смотря по различнымъ лингвистическимъ и орографическимъ признакамъ cadaго изъ нихъ. Мы называемъ эту попытку «смѣлой», такъ какъ до сихъ поръ далеко не всѣ памятники среднеболгарской письменности приведены въ извѣстность, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы кто-либо продѣлалъ относительно среднеболгарскихъ рукописей ту работу, какую совершилъ Н. В. Волковъ (въ книжкѣ «Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ». Спб. 1897), то 209 рукописей, вошедшихъ въ классификацію Цонева, пришлось, *по крайней мѣрѣ*, удвоить. А если вспомнить, какія поверхностныя свѣдѣнія о языкѣ рукописей даетъ большинство ихъ описаній, то попытка Цонева покажется болѣе, чѣмъ рискованной. Тѣмъ не менѣе едва-ли у кого-либо изъ научныхъ работниковъ хватить духу осуждать его за эту смѣлость: славистика до такой степени бѣдна даже скромными обобщеніями, что приходится привѣтствовать даже явно-преждевременныя и поверхностныя «итоги», такъ какъ и они, во всякомъ случаѣ, даютъ возможность опознаться въ совершенныхъ уже завоеваніяхъ науки и облегчаютъ работу послѣдующихъ изслѣдователей. И въ этомъ смыслѣ книжка Цонева сослужитъ свою службу.

Авторъ останавливается прежде всего на характеристикѣ древнѣйшихъ болгарскихъ памятниковъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: на *чисто-болгарскіе* памятники, въ языкѣ которыхъ не замѣтно слѣдовъ какого-либо другого славянскаго, кромѣ болгарскаго, языка, и *не чисто-болгарскіе*, въ которыхъ это вліяніе можно доказать. Взявъ критеріемъ правильность употребленія глухихъ звуковъ, проф. Цоневъ устанавливаетъ такой канонъ первой группы памятниковъ: 1) Зографское ев., 2) Клоцовъ сборникъ, 3) Саввина книга, 4) Маріинское евангеліе, 5) Синайскій требникъ, 6) Синайская псалтырь, 7) Ассеманово евангеліе, 8) Су-

прасльская рукопись, 9) Охридское ев., 10) Слуцкая псалтырь, 11) Хиландарскіе листки, 12) Листки Ундольскаго и 13) Македонскій листокъ. Всѣ эти памятники отличаются отъ среднеболг. правильнымъ употребленіемъ носовыхъ звуковъ, которые смѣшиваются въ позднѣйшихъ рукописяхъ. Последніе проф. Цоневъ разбиваетъ на шесть «школъ», причѣмъ каждую характеризуетъ оячь съ точки зрѣнія употребленія глухихъ звуковъ. Эти школы слѣдующія: 1) *Этимологическая*, прототипомъ которой авторъ считаетъ Супрасльскую рукопись; 2) *Охридская* школа, употребляющая исключительно ѣ и имѣющая какъ-бы родоначальника въ Листкахъ Ундольскаго; 3) *Охридско-Зѣтовская* школа, смѣшивающая глухіе звуки какъ-бы по образцу Ассеманова ев.; 4) *Зѣтовская* школа, которая, подобно кирилл Македонскому листку, знаетъ только одинъ ѣ; 5) *Тырновская* школа, употребляющая изъ двухъ глухихъ звуковъ преимущественно ѣ и имѣющая поэтому аналогію во всѣхъ остальныхъ древнеболг. памятникахъ и 6) *Влахоболгарская* школа, искусственно различающая глухіе звуки.

Не трудно показать крайнюю неточность и условность этой классификаціи. Прежде всего можно усумниться въ существованіи «этимологической школы». Она представлена по Цоневу всего четырьмя рукописями, и изъ нихъ три очень поздняго времени (XIV в.). Правописаніе этихъ рукописей, повидимому, находится въ связи съ Евѣиміевой реформой и, во всякомъ случаѣ, гораздо ближе къ ореографіи Влахоболгарской школы, чѣмъ къ Супрасльской рукописи. Едва-ли можно признать удачными и термины «Охридская» и «Зѣтовская» школы въ виду того, что рукописи съ исключительнымъ употребленіемъ ѣ были извѣстны не только сѣверо-зап. Болгаріи, но и юго-зап., какъ напр. Орбельская тріодъ XIII в., и восточной, какъ Синаксарь 1339 г.

Изъ отдѣльныхъ погрѣшностей проф. Цонева отмѣтимъ только слѣд.: характернымъ признакомъ церковно-слав. памятниковъ русск. редакціи служить не сохраненіе группъ шт и жд, а замѣна ихъ ч и ж; древнѣйшій памятникъ серб. яз. не грамота Стефана Нѣмани 1198 г., а грамота Кулина 1189 г.; Боянское ев. хранится не въ Импер. Публичной библ., а въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

В. Н. Бенешевичъ. *Древнеславянская Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій.* Томъ I, вып 1. Спб. 1906, V + 228 стр. — Это начало задуманнаго авторомъ сочиненія о древнеслав. Кормчей. Первый томъ будетъ содержать въ себѣ текстъ Кормчей съ параллельнымъ греческимъ оригиналомъ и «приложенія», т. е. «текстъ позднѣйшихъ наслоеній въ составѣ какъ греческаго подлинника, такъ и слав. перевода». Второй томъ будетъ посвященъ изслѣдованію происхожденія и судьбы Кормчей на славянскомъ югѣ и на Руси въ связи съ исторіей ея греческаго подлинника, а также разнымъ указателямъ. Въ основу слав. текста авторъ положилъ т. н. «Ефремовскій» списокъ Кормчей XI—XII в. (Моск. Синд. Библ. 227), въ основу греч. Vollicell F. 47.

Б. Ценевъ. *Кюстендилско четверо-евангеле. Среднебългарски прототипъ на VI правописна школа.* Пер. Ст. т. LXVI (1905), 1—26.—Авторъ описываетъ среднебългарское Евангеліе XIII в., хранящееся въ учительской библіотекѣ Педагогическаго Училища въ Кюстендилѣ. Самая интересная черта языка этого памятника заключается въ томъ, что только въ имѣть въ немъ строго фонетическое значеніе, а ѹ употребляется обыкновенно только тамъ, гдѣ его требуетъ этимологія (въ концѣ слова и въ серединѣ въ открытыхъ слогахъ).

Л. В. Стояновичъ. *Новыя слова Климентъ Словѣнскаго.* Спб. 1905. 8^о, 263 стр. (Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. Т. LXXX, № 1).—Подъ такимъ названіемъ авторъ напечаталъ 28 Словъ и похвалъ Климентъ, епископа Словѣнскаго, но изъ нихъ только — Слово на недѣлю (въ Сборникѣ Нар. Библіотеки въ Бѣлградѣ за № 437) носитъ его имя. Всѣ остальные отчасти анонимны, отчасти приписываются въ рукописяхъ Іоанну Златоустому. Издатель однако не сомнѣвается, что ихъ истинный авторъ Климентъ: они «содержатъ въ себѣ всѣ существенныя, основныя черты уже извѣстныхъ Словъ Климентъ: и ясность и простоту его рѣчи, и его композицію». Кромѣ того, разныя Слова нерѣдко повторяютъ почти безъ измѣненія одни и тѣ же стилистическіе обороты и даже цѣлыя фразы. Къ Словамъ приложенъ полный Index verborum. Въ приложеніяхъ изданы, кромѣ нѣсколькихъ спорныхъ Словъ Климентъ, апокрифъ Acta Pilati: по упомянутому Сборнику Народной Библіотеки и Слово еп. Евсевія о сошествіи Іоанна Предтечи въ адъ, служившее источникомъ Клименту.

V. Vondrák. *Studie z oboru cirkevněslovanského písemnictví. V Praze 1903, 180 str. 8^о.*—Болѣе точно эту книгу можно было бы назвать «О литературной дѣятельности Климентъ, епископа словѣнскаго», такъ какъ входящія въ ея составъ разнообразныя этюды имѣютъ предметомъ литературныя произведенія этого величайшаго послѣ Кирилла и Меѳодія дѣятеля болгарской литературы и косвенно также русской, сербской и отчасти хорватской. Посредствомъ тщательнаго анализа лексическихъ особенностей тѣхъ поученій Климентъ, которыхъ принадлежность ему считается безспорной, проф. Вондракъ значительно увеличиваетъ писательское наслѣдство великаго славянскаго святителя. Такъ, по мнѣнію чешскаго ученаго, Клименту принадлежитъ литературная обработка «Исповѣднаго чина», дошедшаго до нашихъ дней въ «Синайскомъ Требникѣ». Въ составъ этого чина Климентъ включилъ и нѣсколько древне-верхне-нѣмецкихъ молитвъ, переведенныхъ еще до Климентъ какимъ-то неизвѣстнымъ славяниномъ-паннонцемъ. Кромѣ того Климентъ воспользовался для своего «Чина» и т. н. «заповѣдями святыхъ отецъ», переведенными въ Панноніи съ латинскаго языка. Вообще «Исповѣдный чинъ» Вондракъ считаетъ однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Климентъ, и потому не удивляется, что слѣды его вліянія замѣтны и во многихъ другихъ сочиненіяхъ Климентъ. Уже въ Болгаріи Климентъ написалъ «Житіе Кирилла», а

нѣсколько позже — «Житіе Меѳодія». Затѣмъ исподъ его пера вышли «Похвала Кириллу и Меѳодію» и «Похвала Кириллу». Изъ Климентовыхъ Словъ нѣкоторыя также очень стары и могли возникнуть еще въ Панноніи. Таково, напр., «Поученіе на память апостола или мученика», которое повторяетъ почти буквально нѣкоторыя мѣста второго Фрейзингенскаго отрывка. Одно Слово, по всей вѣроятности, было написано въ восточной Болгаріи, а другія въ Македоніи, когда Климентъ былъ уже епископомъ. Какъ пламенный послѣдователь Кирилла и Меѳодія, Климентъ былъ приверженцемъ и ихъ азбуки-глаголицы. Антипатія къ ея соперницѣ-кириллицѣ, свившей себѣ прочное гнѣздо въ восточной Болгаріи, была, по мнѣнію Вондрака, одной изъ главныхъ причинъ переселенія Климента въ Македонію.

P. A. Lavrov. *Die neuesten Forschungen über den slavischen Klemens.* Arch. für. slav. Phil. XXVII (1905), 350—384.—По поводу работы проф. Вондрака «*Studie z oboru cirkevnéslovanského písemnictví*» (V Praze 1903), авторъ высказываетъ рядъ весьма цѣнныхъ и интересныхъ взглядовъ на литературную дѣятельность Климента, епископа словѣнскаго. Такъ, онъ не соглашается съ мнѣніемъ Вондрака, что вошедшій въ составъ Синайскаго Требника «Исповѣдный чинъ» былъ переведенъ Климентомъ. Напротивъ, подобно Вондраку, и проф. Лавровъ убѣжденъ, что обѣ т. н. «паннонскія легенды» были составлены Климентомъ. Только главнымъ основаніемъ такой гипотезы Лаврову служатъ не столько отдѣльные стилистическіе обороты обѣихъ легендъ, сколько совпаденіе и сходство нѣкоторыхъ ихъ выражений съ похвальнымъ словомъ Кириллу, которое приписывается Клименту документально. Попутно авторъ довольно убѣдительными доводами опровергаетъ мнѣніе В. И. Ламанскаго (Ж. М. Н. П., т. 346, 1903 г.), будто «Житіе Кирилла» до XV в. нѣсколько разъ дополнялось интерполяціями. Раздѣляетъ съ Вондракомъ Лавровъ и мнѣніе о южно-славянскомъ происхожденіи Климента, но за то протестуетъ противъ его гипотезы, что «Паннонскія» житія были написаны Климентомъ въ Македоніи, а не въ Моравіи. Въ пользу послѣдняго предположенія Лавровъ приводитъ изъ житія довольно длинный рядъ стилистическихъ чехизмовъ. И по мнѣнію проф. Лаврова, Житіе Кирилла старше Житія Меѳодія. По поводу похвальныхъ словъ Кириллу и Меѳодію, проф. Лавровъ, въ противоположность Вондраку, полагаетъ, что первоначально было составлено Климентомъ похвальное слово Кириллу, и лишь по смерти Меѳодія онъ написалъ новое похвальное слово въ честь обоихъ святыхъ. Оспариваетъ проф. Лавровъ и то мнѣніе Вондрака, что т. н. «Итальянская легенда» составлена на основаніи «Житія Кирилла», причѣмъ самъ склоняется къ мнѣнію Ягича, что обѣ легенды возникли независимо одна отъ другой. Скептически относится онъ и къ мнѣнію Вондрака, будто Климентъ является авторомъ одного Слова, вошедшаго въ составъ Клоцова сборника.

В. Н. Златарскій. *Сколько бестѣ написалъ Козьма Пресвитеръ?* Отд. отт.

изъ Сборника въ честь М. С. Дринова, 8°, 37—48 стр.—Авторъ возстаеъ противъ обычнаго мнѣнія, что Козьма Пресвитеръ написалъ тринадцать бесѣдъ,—онъ доказываетъ, что всѣ эти бесѣды въ сущности представляютъ одно цѣлое, и что ихъ 12 заглавій «поставлены по случайнымъ выраженіямъ въ самомъ текстѣ».

Д-ръ Г. И. Кацаровъ. *Пробата на Скаптопареницитъ до императора Гордиана III.* (Годишникъ на Софійския унив. I, 1904—1905).—Авторъ печатаетъ съ своими примѣчаніями греческое прошеніе жителей с. Скаптопара (находившагося на мѣстѣ нынѣшней Джуман) къ имп. Гордиану III, которое сохранилось въ современной надписи. Въ основу своей работы г. Кацаровъ положилъ изданіе Dittenberger'a *Sylloge Inscript. Graecarum* I² № 418.

В. Prokić. *Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes cod. Vindobonensis hist. graec. LXXIV. Ein Beitrag zur Geschichte des sogenannten westbulgarischen Reiches.* München 1906, 8°, 54 стр.—Небольшая, но въ высшей степени цѣнная брошюра! Авторъ издалъ въ ней «добавки» греческой рукописи Иоанна Скилицы (Придв. Библ. hist. gr. № 74) конца XII или нач. XIV в., которыя хотя и были еще въ 1890 г. указаны Mabillis'омъ въ статьѣ «Zwei Wiener Handschriften des Johannes Skylitzes» Breslau 1890, но не были опѣнены по достоинству. Почти всѣ дополненія относятся къ исторіи такъ называемаго западно-болгарскаго царства и принадлежатъ перу Михаила епископа Дѣвольскаго, переписавшаго подлинникъ той части Вѣнскаго кодекса, которая начинается разсказомъ о воеденіи Василія II. Хотя большую часть своихъ свѣдѣній Михаилъ Дѣвольскій, повидимому, почерпнулъ изъ хроники Феодора Севастійскаго, т. е. одного изъ главныхъ источниковъ самого Скилицы, тѣмъ не менѣе его примѣчанія сохранили цѣлый рядъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ данныхъ для исторіи западно-болгарскаго царства. Такъ напр. изъ этихъ примѣчаній мы узнаемъ имена родителей Самуила, причемъ имя отца (Николай) прекрасно подтверждается свидѣтельствомъ извѣстной надписи 993 г. Эти же примѣчанія приносятъ новое доказательство тому, что западно-болгарское царство было результатомъ возстанія 976 г. Мы узнаемъ далѣе оттуда имена жены и дочери Самуила, нѣкоторыхъ его полководцевъ и всѣхъ сыновей царя Владислава. Указываются въ нихъ точныя даты смерти Самуила и воеденія его сына и подробно описывается смерть послѣдняго царя Владислава. Узнаемъ изъ нихъ далѣе, что сербскій князь Михаилъ, сынъ котораго Бодинъ поднялъ въ 1073 г. знамя возстанія, имѣлъ своими резиденціями Которъ и Папратну, и что полководецъ Бодина Петрилъ, во время своего похода на Костуръ, завоевалъ Охриду и Дѣволъ. Далѣе «добавки» исправляютъ ошибочное показаніе Скилицы, что въ эпоху разгрома Македонскаго царства архіепископомъ Охридскимъ былъ Давидъ, а не Иоаннъ и т. д.

В. Н. Златарски. *Студии по българската история* (Отд. отпечаткъ отъ «Пер. Списание», кн. LXIII, св. 5—6, 7—8, 9—10). София 1903, 8°,

94 стр.—Одна изъ важнѣйшихъ книгъ по древнѣйшей исторіи болгарскаго народа. Она состоитъ изъ трехъ этюдовъ, изъ которыхъ первый посвященъ вопросу объ основаніи болгарскаго царства. Переселеніе Аспаруха изъ Приазовской Болгаріи на Дунай авторъ ставитъ здѣсь въ связь съ нашествіемъ хазаръ. Орду Аспаруха проф. Златарскій не считаетъ слишкомъ многочисленною, и даже находитъ возможнымъ помѣстить ее всю на одномъ изъ острововъ (древне-греч. Πεύκη, теперешній Георгіевскій остр.) дельты Дуная. Название *Оль* проф. Златарскій объясняетъ не какъ названіе мѣстности, гдѣ поселился Аспарухъ, а какъ названіе крѣпости, построенной для ея обороны. Послѣ неудачнаго похода Константина IV Погоната противъ болгаръ, послѣдніе перешли Дунай, укрѣпились въ области города Варны и вступили въ оборонительный противъ византійцевъ союзъ съ славянами,—союзъ, положившій начало болгарскому государству. Въ слѣдующихъ этюдахъ «Болгарскіе князья изъ рода Дуло» и «Болгарія въ VIII в.» проф. Златарскій разсматриваетъ дальнѣйшія судьбы болгаръ, причемъ особенно подробно останавливается на выясненіи роли и участія болгарской и славянской партій во внѣшней политикѣ болгарскаго государства.

В. Н. Златарски. *Изъ старата исторія на българитѣ I—II.* (Българска сборка, стр. 19—23).—Авторъ указываетъ источникъ историческаго разсказа о крещеніи болгаръ, находящагося въ одномъ средне-болг. сборникѣ XV в. и опубликованнаго А. И. Яцимирскимъ на страницахъ VII т. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ». Этотъ разсказъ, по указаніямъ Златарскаго, буквально взятъ изъ славянскаго перевода Зонары, а вовсе не представляетъ самостоятельной вставки сербскаго писца, какъ думалъ А. И. Яцимирскій. Въ другой замѣткѣ проф. Златарскій приурочиваетъ гоненіе на болгарскихъ христіанъ, о которомъ говорится въ одномъ изъ Словъ Феодора Студита, напечатанномъ А. И. Яцимирскомъ (тамъ же, стр. 118), къ времени болгарскаго междоусарствія 814—817 г.

Иорд. Ивановъ. *Епископистѣ бръгалнишка и вельбуждска прѣзь срѣднитѣ вѣкове* (Годишникъ по Софійския унив. I. 1904—1905, стр. 74—83).—Авторъ пытается опредѣлить церковно-политическія границы двухъ особенно загадочныхъ въ исторіи Балканскаго полуострова епископій: Бръгалницкой и Вельбуждской. Названіе первой авторъ выводитъ изъ имени греч. епископскаго города Βάρυαλα, которое славяне, крещенные здѣсь еще около 680 г., по т. н. «народной этимологіи», сблизили со словомъ «брѣгъ». На р. Бръгалницѣ находился городъ Ἀρμονία, названіе котораго славяне передѣляли въ *Равнь*. При царѣ Борисѣ въ Бръгалницу были перенесены изъ Струмицы мощи Тиверіопольскихъ мучениковъ. Впослѣдствіи Бръгалницкая епископія нѣсколько разъ мѣняла свое названіе, и въ историческихъ источникахъ она носитъ названіе то Овчепольской, то Моровиздской, то Малешовской, пока, наконецъ, въ 1347 г. Стефанъ Душанъ не соединилъ ее съ Злѣтовской епископіей.

А когда послѣдняя запусѣла, она была соединена съ вельбуждской епископией (во всякомъ случаѣ, уже въ турецкое время), которую г. Ивановъ отождествляетъ съ Первой Юстиніаной. При опредѣленіи географическихъ границъ епископіи, авторъ иногда довольно произвольно обращается съ именами населенныхъ пунктовъ, сближая напр. «градъ Германію» съ корнемъ *ирптъ* (!).

П. Чилевъ. *Една анонимна византійска хроника* (Извѣстія на историческото дружество въ София I, 34—59). — Эта хроника synopsis XIII в., изданный Саоой въ Парижѣ, 1894 г. Авторъ приводитъ изъ нея касающіяся болгарской исторіи мѣста, сравнивая ихъ съ соотвѣтствующими свидѣтельствами Никиты Хоніата и Георгія Акронодита. Кое-гдѣ авторъ, на основаніи ихъ, дѣлаетъ довольно интересные замѣчанія относительно нѣкоторыхъ спорныхъ фактовъ болгарской исторіи, напр. относительно національности «влаховъ», возставшихъ противъ византійцевъ подъ предводительствомъ Асѣнія и Петра.

С. Табановъ. *Бългъски за караманлъти и тлъжната литература* (Извѣстія на Историческото Дружество въ София. Кн. I. 1905 г., 131—196). — Рѣчь идетъ о тѣхъ жителяхъ Малой Азіи, которые говорятъ по-турецки, но исповѣдуютъ православную религію и употребляютъ въ письмѣ греческую азбуку. Въ противоположность Иречку и Герлаху, считавшимъ ихъ отуреченными потомками малоазіатскихъ грековъ, и болгарскому ученому Черновѣжду, который въ статьѣ о «карамандліяхъ» въ Периодич. Спис. (т. VIII, стр. 435 и сл.) высказалъ предположеніе, что они представляютъ огреченныхъ турокъ, — нашъ авторъ доказываетъ, что караманліи суть не что иное, какъ «смѣсь различныхъ народностей, въ большинствѣ случаевъ потомки болгаръ, переселенныхъ въ разныя времена въ разные края Малой Азіи со времени турецкаго нашествія».

Н. Поповъ, *Рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) Библіотеки.* Вып. I. Новоспасское собраніе. М. 1905 VIII+189. — Авторъ описываетъ 18 рукописей Новоспасскаго монастыря, переданныхъ 17 янв. 1903 г. въ Московскую Синодальную Библиотеку послѣ пожара въ Архангельскомъ соборѣ (3 марта 1903). Всѣ рукописи русскія, кромѣ одной сербской (Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ XIV в.). По содержанію рукописи представляютъ три псалтири съ толкованіями (XVI в.), одно четвероевангеліе съ толкованіями (XV—XVI в.), два Трефолая (XVI в. и XVI—XVII в.), одна Служебная Минея за январь (XVI в.), одна Трїодъ (XVI в.), два синодика-помянника (XVII—XIX в. и XVIII—XIX в.), одна Минея четья за мартъ (1553 г.), одна Кормовая книга (XVII в.), одна ркп. «Сказаній о Нерукотворенномъ образѣ» (XVIII—XIX в.), одна книга Соборныхъ Дѣяній (1666—1667), далѣе копія съ объявленій о чудесахъ Иннокентія Иркутскаго (XIX в.), Повѣсть о блаженной жизни пресв. Иларіона (XIX в.), Сборникъ (XVII в.). Въ приложеніяхъ напечатано цѣлое изслѣдованіе о Псалтири съ толкованіями полемическаго характера, а также алфавитный перечень лицъ, ряды которыхъ внесены въ синодики-помянники Ново-

спаскаго монастыря. Прекрасные снимки трехъ рукописей (№ 1, 11 и 12) еще болѣе увеличиваютъ цѣнность книги.

Д. И. Абрамовичъ. *Описаніе рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи. Софійская Библіотека.* Вып. I. Спб. 1905, 4^о, X+LXXVI. — Въ настоящемъ выпускѣ этого изданія, которое по окончаніи общаетъ сдѣлаться капитальнымъ, помѣщены описанія рукописей Св. Писанія. Составитель рассмотрѣлъ ихъ въ числѣ около 90, по всемъ правиламъ новѣйшей палеографіи и библіографіи, причемъ изъ болѣе древнихъ рукописей Евангелій приводитъ даже по стихамъ всѣ евангельскія чтенія. Въ предисловіи проф. Абрамовичъ знакомитъ насъ съ исторіей Софійской библіотеки, а въ «приложеніяхъ» напечаталъ слѣдующіе интересные тексты: 1) Матерьялы для исторіи Софійской библіотеки (нѣсколько старыхъ описей и каталоговъ); 2) Отрывки Синодика по рукоп. Софійск. библ. № 69; 3) Отрывки изъ Лунника по рукоп. Софійск. библ. № 74 и 7) *Διάλογος τῶν ἁγίων μεγάλων ἱεραρχῶν Βασιλείου καὶ Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου* по ркп. Софійск. библ. № 79.

В. И. Срезневскій. *Охранная опись рукописнаго отдѣленія Библіотеки Импер. Академіи Наукъ. I. Книги Священнаго Писанія.* Съ приложеніемъ четырехъ таблицъ снимковъ. Спб. 1905. 4^о, IV+70. — Подъ такимъ скромнымъ названіемъ авторъ даетъ настоящее, строго-научное описаніе рукописей Св. Писанія, хранящихся въ Библіотекѣ Импер. Академіи Наукъ, со снимками и образцами языка важнѣйшихъ изъ нихъ. Въ предисловіи авторъ сдѣлалъ библіографическій обзоръ предшествующихъ каталоговъ рукописнаго собранія. Большую часть рукописей составляетъ «апостолы» (20 №№), далѣе слѣдуютъ евангелія (16 №№), псалтири (15 №№) и, наконецъ, остальные книги В. Зав. и апокалипсиса (по 4 №№). Рукописи относятся къ всемъ вѣкамъ отъ XI до XIX в. Почти всѣ рукописи русской редакціи.

В. И. Срезневскій. *Сводныя о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Импер. Академіи Наукъ въ 1902 г. Приложение. Рукописи и книги, прибрѣтенныя В. И. Срезневскимъ во время поѣздки въ Вологодскую, Олонецкую и Пермскую губерніи.* Спб. 1905, 273 стр. 4^о. — Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о 137 рукописяхъ (XIV—XIX в.), 15 книгахъ церковной печати (XVI—XIX в.), 2 изданіяхъ гражданскаго шрифта (XVII в.) и 24 лубочныхъ изданіяхъ, картинахъ, литографіяхъ и хромофотографіяхъ, прибрѣтенныхъ имъ во время своего путешествія въ три сѣверныя губерніи въ 1902 г.

В. Погорѣловъ. *Отчетъ о командировкѣ въ Москву летомъ 1904.* Варш. 1905, стр. 1—12. — Авторъ описываетъ рукописи москов. библіотекъ, въ которыхъ вполнѣ или частями сохраняется первоначальный переводъ Θεодоритовой толковой Псалтыри.

Н. П. Лихачевъ. *Рукопись, принадлежавшая патріарху Θεодосію Тырновскому (съ IV табл.).* Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ X, кн. 4, стр. 312—319. — Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о принадлежащей

ему среднеболг. рукописи — Пандектахъ Никона Черногорца 1349 г., подаренной патр. Тырновскимъ Θεодосіемъ Зографскому мон. и имѣющей на себѣ его подпись.

Луб. Стојановић. *Стари српски записи и надписи.* Книга III. Беогр. 1905, 8°, X^o+487 стр. — Этою книгою заканчивается монументальное изданіе всѣхъ сербскихъ записей и надписей, предпринятое извѣстнымъ сербскимъ ученымъ г. Любомиромъ Стояновичемъ еще четыре года назадъ. Нечего и говорить о томъ громадномъ значеніи, которое оно имѣетъ и для славянскаго палеографа, и для лингвиста, и для историка: сборникъ Стояновича будетъ для нихъ необходимой настольной книгой, совѣты которой рѣшатъ или разъяснятъ не одну загадку славянской науки. Всего въ сборникъ вошло около 6000 надписей и записей, и изъ нихъ около 1500 (т. е. около $\frac{1}{4}$ общаго числа) появляются въ печати впервые. Матерьялъ расположенъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ, причемъ датированныя надписи и записи выдѣлены въ особый отдѣлъ, занявшій всю первую книгу и часть второй. Остальные отдѣлы изданія посвящены недатированнымъ надписямъ и записямъ, которыя, для удобства читателя, разбиты на слѣдующія группы: 1) записи самихъ писцовъ на рукописяхъ; 2) записи на рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ съ именами ихъ владѣтелей, покупателей, переплетчиковъ, читателей и т. д.; 3) другія замѣтки на рукописяхъ и старопеч. книгахъ; 4) надписи на церквахъ, церковной утвари и т. д. и 5) надгробныя надписи. Къ книгѣ приложены всевозможные регистры.

T. Smičiklas. *Diplomatički zbornik Kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije. Isdala Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Svezak II. Listine XII vijeka (1101—1200).* Zagreb 1904, 4°, XXXI+499. — Эта книга представляетъ прямое продолженіе критическаго изданія древнѣйшихъ касающихся хорватской исторіи документовъ, которое предпринялъ незабвенный Рачкій еще въ 1877 г. подъ названіемъ «*Documenta historiae croaticae periodum antiquam illustrantia*». Рачкій успѣлъ довести изданіе только до конца XI в., и его преемнику и ученику, президенту Югославянской Академіи въ Загребѣ, Т. Смичикласу, пришлось посвятить цѣлый огромный томъ лишь однѣмъ грамотамъ XII ст. Всѣ онѣ, числомъ болѣе 300, изданы согласно правиламъ новѣйшей научной критики, причемъ регесты и краткія объяснительныя примѣчанія печатаются не на латинскомъ языкѣ (какъ обыкновенно прежде), а на сербохорватскомъ. Кромѣ двухъ документовъ, всѣ остальные писаны по латыни. Изъ славянскихъ грамотъ одна — грамота Кулина 1189 г. издана не по оригиналу, а по копіи, и притомъ съ большимъ числомъ неточностей и опечатокъ; невѣрно утвержденіе г. Смичикласа, будто подлинникъ хранится въ Имп. Публичной Библиотекѣ: онъ принадлежитъ и въ настоящее время библиотекѣ Импер. Академіи Наукъ.

D-r Lucas Jelić. *Fontes historici liturgiae glagolito-romanae a XIII ad XIX saeculum.* Collegit, digessit et indice analitico instruxit... Veglæ MCMVI,

VIII—14—18—46—64—88—98—176—XLVII стр. — Въ этомъ капитальномъ трудѣ г. Лука Еличъ, профессоръ Задрской Духовной Семинаріи, собралъ и расположилъ по вѣкамъ всѣ извѣстные ему документы, такъ или иначе объясняющіе исторію глаголическаго богослуженія римскаго богослуженія на Балканскомъ полуостровѣ и въ Австро-Венгріи: акты общихъ, провинціальныхъ и епархіальныхъ соборовъ, декреты римскихъ папъ, дарственные грамоты хорватскихъ князей и королей, лѣтописныя замѣтки и свидѣтельства, памятники глаголической письменности и т. д., и т. д., — все это нашло въ г. Еличѣ трудолюбиваго и добросовѣстнаго собирателя, каталогизатора и издателя. Важнѣйшіе документы приводятся имъ *in extenso*, остальные — въ регестахъ. Относительно каждаго документа даются подробныя библиографическія указанія. А прекрасный и весьма тщательно-составленный указатель даетъ читателю возможность легко разобраться въ богатомъ содержаніи высокоцѣнной книги проф. Елича.

М. Н. Сперанскій. *Мостарское (Манойлово) евангеліе*. Р. Ф. В. LIV (1905), 1—36 стр. — Авторъ даетъ подробное палеографическое и текстуальное описаніе евангелія нач. XIV в., прежде находившагося въ частномъ владѣніи въ Мостарѣ, а теперь принадлежащаго Сербской Королевской Академіи. Главный выводъ автора тотъ, что Мостарское евангеліе составляетъ промежуточное звено между древнѣйшими памятниками боснійскаго письма (каковы, напр., Мирославово XII в. и Григоровичево XII—XIII в.) и позднѣйшими (каковы, напр., Никольское евангеліе XIV в., Хвалова рукопись и др.).

М. Н. Сперанскій. *Переводные сборники изреченій въ славянорусской письменности*. Изслѣдованіе и тексты. М. 1904, VI—577—245. — Это капитальное изслѣдованіе представляетъ систематическое изслѣдованіе переведенныхъ съ греческаго «флорилегіевъ» въ славянорусской литературѣ. Во вступительной главѣ авторъ дѣлаетъ обширный обзоръ «исторіи изреченій и ихъ собраній въ старой классической и византійской литературахъ». Изслѣдованіе славянскихъ флорилегіевъ онъ начинаетъ съ «Священныхъ Параллелей Іоанна Дамаскина», которыя, по его мнѣнію, были переведены въ Болгаріи въ XII—XIII вв. «съ сокращеннаго греч. текста позднихъ византійскихъ Παράλληλα, слившихъ уже первоначальныя три книги труда Дамаскина, при томъ съ той редакціи этихъ Παράλληλα, которая близко подходила къ *cod. Vaticanus*, но не была съ нимъ тождественна». Къ иному выводу проф. Сперанскій пришелъ при изученіи «Пчелы»: она была переведена въ XII—XIII в. на Руси (скорѣе всего, въ южной) прямо на тогдашній литературный языкъ. Какъ памятникъ, богатый свѣтскимъ элементомъ, «Пчела» завоевала скоро большую популярность въ древнерусской литературѣ, гдѣ она нашла доступъ даже въ такіе памятники, какъ «Мѣрило праведное» и лѣтопись. Еще до XIV в. «Пчела» черезъ южную Русь и Болгарію проникла къ сербамъ, которые сохранили нѣсколько ея спис-

ковъ съ очевидными руссизмами. Въ эпоху Евѳимія былъ сдѣланъ въ Болгаріи новый переводъ «Пчелы», единственный списокъ котораго восходитъ къ XV в. и хранится теперь въ Парижской Національной Библиотекѣ. Въ 1599 г. не безъ вліянія кн. Константина Острожскаго и его кружка, «Пчела» была переведена въ Дерманскомъ мон. (Волын. губ.) вновь, причемъ «впервые перевели и ввели въ нашу литературу двухтомный флорилегій Антоній». — Относительно изреченій Менадра авторъ подтверждаетъ выводъ Ягича, что они были переведены первоначально на югѣ славянства (по всей вѣроятности, въ Македоніи) въ XII—XIII в.; древнѣйшій текстъ ихъ восходитъ къ XIII в. (Сборникъ попа Драголя). Что касается переводовъ Исихія-Нила, то «одинъ весьма древень, югославянскій, далъ уже въ XIII в. матеріалъ для компіляціи попа Драголя; другой, быть можетъ, былъ русскій, возникшій едва-ли не въ связи съ переводомъ «Пчелы», т. е. приблизительно въ XII в.; третій переводъ Нила—сравнительно младшій: вѣка XIV, притомъ болгарскій». Довольно оригинальнымъ путемъ явились въ славянской литературѣ изреченія Соломона и Сираха: они возникли «не путемъ перевода готоваго флорилегія, а путемъ созданія, хотя и по греческому образцу, новаго флорилегія изъ переводнаго сплошнаго текста книги». Изслѣдованіе заканчивается литературнымъ анализомъ «Цвѣтовъ Дарованій». Восточно-славянскихъ переводовъ ихъ было два: XVI в. съ румынскаго подлинника и XVII в. съ греч. изд. 1675 г. Въ зависимости отъ русскаго перевода стоятъ полный сербскій текстъ. Два раза, въ XVI и XVII вв., были переведены «Цвѣты дарованій» и на югѣ славянства. Книга заканчивается нѣсколькими общими выводами и наблюденіями и цѣлой хрестоматіей флорилегіевъ.

D-r E. A. Kozak, *Die Inschriften aus der Bukovina. Epigraphische Beiträge zur Quellenkunde der Landes- und Kirchengeschichte. I Teil. Steininschriften mit 27 Textillustrationen.* Wien 1903, 4°, XIV + 214. — Эта книга представляетъ первую попытку строго-методическаго изданія надписей одной изъ интереснѣйшихъ славянскихъ странъ—Буковины. Хотя въ этомъ томѣ авторъ опубликовалъ только найденныя имъ надписи на камняхъ, отложивъ до слѣдующаго надписи на металлическихъ, деревянныхъ и тканевыхъ предметахъ, все-таки число вошедшихъ сюда надписей оказалось весьма значительно—170. Изъ этого числа 133 написаны на церковнославянскомъ языкѣ, 16 — на румынскомъ, 13 — на армянскомъ, 4 — на греческомъ, 2 — на латинскомъ и 2 — на арабскомъ. Всѣ надписи расположены издателемъ по мѣстностямъ, въ которыхъ онѣ встрѣчаются. Каждая надпись печатается дипломатически точно и сопровождается подробными историческими, палеографическими и иногда даже лингвистическими комментаріями. Многія надписи воспроизводятся и въ фотографическихъ снимкахъ. Въ палеографическомъ отношеніи церковнославянскія надписи обнаруживаютъ лапидарный унциальный стиль, достигшій особенно широкаго распространенія при воеводѣ Стефанѣ Ве-

ликомъ, инициативѣ котораго обязаны своимъ происхожденіемъ лучшія надписи страны. Уже въ это время уставное письмо обнаруживаетъ кое гдѣ зародыши «ломаного письма», для котораго Буковина была, по мнѣнію г. Козака, лишь этапомъ на пути его постепеннаго распространенія изъ Балканскихъ странъ въ Россію. Позднѣе уставъ переходитъ въ полууставъ. Въ основѣ языка надписей лежитъ языкъ среднеболгарскій, но уже въ древнѣйшихъ надписяхъ онъ сильно перемѣшанъ съ особенностями языковъ русскаго и отчасти сербскаго.

А. И. Яцимирскій. *Изъ лингвистическихъ и палеографическихъ наблюдений надъ славянскими надписями румынскаго происхожденія.* Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. Т. X, кн. 2, стр. 24—68. — Послѣ общей характеристики значенія славяно-румынскихъ надписей и послѣ нѣсколькихъ критическихъ замѣчаній на новѣйшій и лучшій сборникъ ихъ Е. Козака (см. выше), авторъ характеризуетъ надписи по ихъ начальнымъ формуламъ, по ихъ содержанію и цѣлямъ, выясняетъ ихъ значеніе для опредѣленія хронологіи построекъ и исторіи государствъ вообще, описываетъ надгробныя надписи, классифицируя ихъ по общественному классу погребенныхъ лицъ, перечисляетъ различные предметы, на которыхъ дѣлались надписи и т. д.

А. И. Яцимирскій. *Валахскія грамоты въ палеографическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ.* Р. Ф. В. LIV (1905), 49—67. — Перечисливъ термины, которыми обозначаются грамоты, авторъ выясняетъ титулъ государя, начинающій грамоты, формулы государскаго акта, его цѣли, юридическое содержаніе, обращенія къ преемникамъ и т. д.

А. И. Яцимирскій. *Возрожденіе византійско-болгарскаго религіознаго мистицизма и славянской аскетической литературы въ XVIII в.* (Сборникъ статей въ честь проф. М. С. Дринова, стр. 185—203). — Авторъ знакомитъ съ жизнью Паисія Величковскаго, отчасти на основаніи открытой имъ (въ рукописи Имп. Акад. Наукъ изъ собранія св. Теофила Гепецкаго) его автобіографіи на славянскомъ языкѣ. Въ окончательной оцѣнкѣ значенія дѣятельности Паисія авторъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ объ его вліяніи на первыхъ «возродителей» болгарской литературы Паисія и Спиридона.

D-r L. K. Goetz. *Das Kiever Höhlen-Kloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands.* Passau 1904, XXXI + 242. — Книга раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ разсматриваетъ внѣшнюю исторію монастыря отъ его основанія до татарскаго разгрома (1240 г.), во второй изслѣдуетъ то значеніе, которое имѣлъ Киевопечерскій монастырь въ духовной, политической, соціальной и экономической жизни домонгольской Руси. Результатомъ этого изслѣдованія является выводъ, что Киевопечерскій монастырь былъ культурнымъ центромъ древней Руси, — выводъ, правда, не новый, но никогда въ научной литературѣ не обставлявшійся еще такимъ огромнымъ числомъ строго-систематизированныхъ и критически провѣренныхъ фактовъ, какъ именно въ книгѣ Гѣца. Несмотря

на церковно-исторической характеръ темы изслѣдованія, въ немъ не замѣтно и слѣда какой-либо ненаучной тенденціи, хотя авторъ его—старо-католикъ. Особенно пріятно поражаетъ въ нѣмецкомъ изслѣдователѣ прекрасное знакомство не только съ русскими первоисточниками, но и вообще съ русской литературой своего предмета, изъ которой онъ нерѣдко приводитъ на русскомъ же языкѣ длинныя цитаты in extenso. Въ приложеніяхъ напечатаны на русскомъ языкѣ: 1) Хронологическій перечень игуменовъ Кіевопечерскаго монастыря; 2) Хронологическій перечень тѣхъ монаховъ Печерскаго монастыря (съ 1051 по 1240 г.), которыхъ мощи лежатъ въ «ближнихъ пещерахъ»; 3) Хронологическій перечень вышедшихъ изъ монаховъ Печерскаго монастыря епископовъ Россіи (за время 1051—1240 г.) и 4) Подложная грамота кн. Андрея Боголюбскаго Печерскому мон. 1159 г. Въ предисловіи авторъ доказываетъ важность для нѣмецкой науки изученія Россіи и даже предлагаетъ, съ цѣлью облегченія такого изученія, основать журналъ «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte und Landeskunde».

Г. Ильинскій.

ГРЕЦІЯ И ТУРЦІЯ.

Г. Н. Хаджиданисъ (Г. Ν. Χατζιδάκις), Μάνθος, Μάνθα, Σαμφώ [Ἀθηνᾶ XVII, 1905, стр. 223—227] (см. выше стр. 548).—Авторъ указываетъ на то, что хотя въ новогреческомъ народномъ языкѣ вообще распространено измѣненіе древне-греческихъ сочетаній νθ, γχ, μφ, въ простые спиранты θ, χ, φ (напр. πενθέρως — πεθέρως, κογχύλια — κοχύλια, ὀμφαλός — ὀφαλός), но всетаки нерѣдко удерживаются сочетанія νθ, γχ, μφ въ случаяхъ: Μανθαῖος, Σαμφώ etc.

Г. Н. Хаджиданисъ, Ἀντιλεγόμενα [Ἀθηνᾶ XVII, 1905, стр. 227—238] (см. выше стр. 548).—Три лингвистическихъ этюда, изъ которыхъ первый и третій посвященъ этимологіи слова γάϊδαρος.

Г. Н. Хаджиданисъ, Φωνητικὰ τῆς νεωτέρας ἑλληνικῆς γλώσσης [Ἀθηνᾶ XVIII, 1906, стр. 62—65] (см. выше стр. 543).—Изслѣдованіе о причинахъ исчезновенія окончанія -ει въ формахъ третьяго лица ед. числа, наблюдаемаго въ говорѣ Хіуса, гдѣ слышны формы: ἀκού, а не ἀκούει или ἀκούj; λέ, а не λέγει, λέει, λέj.

Г. Н. Хаджиданисъ, Περί τῆς ἐνεστώσης μεθόδου ἐν ταῖς γλωσσικαῖς ἐρεύ- ναις. Ἐν Ἀθήναις 1906, 8^ο, стр. 32. — Будучи избранъ ректоромъ Аѳинскаго Университета, авторъ произнесъ рѣчь, воспроизведенную въ указанной выше статьѣ, гдѣ онъ коснулся вопроса объ установившемся нынѣ въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ методѣ, рассматривая его съ исторической точки зрѣнія. Методъ состоитъ въ томъ, чтобы всякій языкъ, въ томъ числѣ и новогреческій, рассматривался: 1) какъ явленіе историческое, 2) явленіе физиологическое, 3) явленіе психического міра, 4) явленіе социальное. Въ Греціи, по словамъ автора, этотъ методъ до